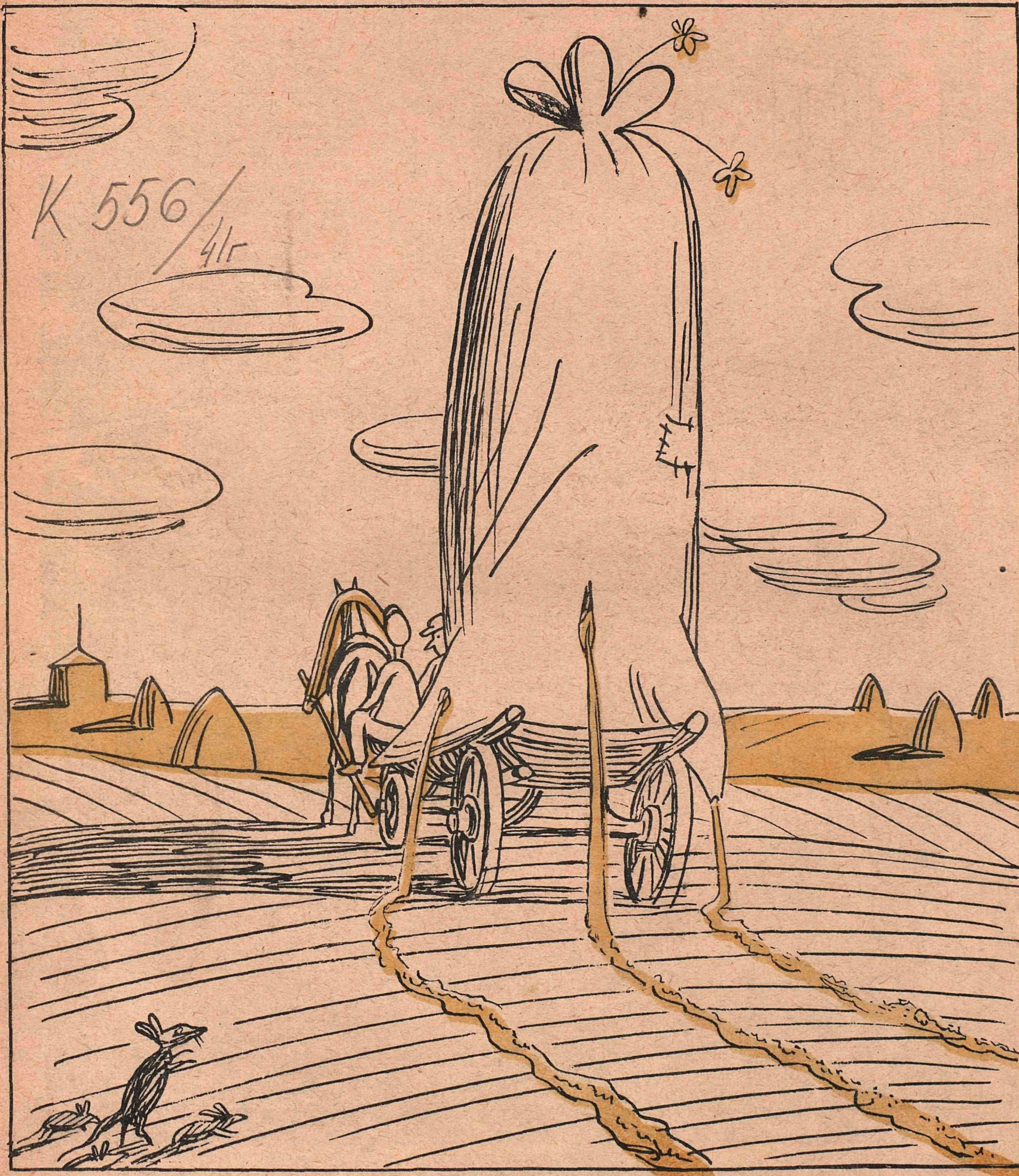

К Р О К О Д И Л

ТАРА ПОМОГЛА

Рис. Л. Бродаты

- Урожай в нашем колхозе большой, пожалуй, в амбар не влезет.
- Влезет. Ведь ехать еще порядочно.

Строгий мужчина

В О ВТОРОМ часу рабочего дня на центральной улице можно было видеть круглолицего гражданина в роговых очках и с оттягивающим руку портфелем.

Летнее солнце обжигало людей. Тени на улице не было, чему немало способствовала успешно и своевременно проведенная по городу борьба с древонасаждениями.

И только неотложные дела или какое-нибудь другое особое обстоятельство могли заставить солидного человека в этот час выйти и разгуливать по улице.

Впрочем, гражданин в роговых очках долго на солнцепеке не задерживался.

Вот он зашел в «Гастроном». Там, у прилавка, толпились домохозяйки с кошелками.

Продвинувшись не без усилия к прилавку, гражданин обратился к продавцу:

— Э, будьте любезны отвесить мне полкилограмма копченой колбасы «салями».

— Почему без очереди?!— хором закричали домохозяйки.— Не отпускать ему!

— Нет,— сказал гражданин,— я не могу вставать в очередь. У меня нет для этого времени. А вы, гражданин продавец, если я не ошибаюсь, на работе? Так будьте любезны отпустить то, о чем вас просят. Я просил «салями».. Да и нарежьте, да, да, потоньше.

Из магазина гражданин прошел в сквер и, усевшись на широкой скамье, строго посмотрел вокруг. Все было в порядке. Дремала на другой скамье старуха-нянька, две девочки копошились в песке. Гудела пчелка над клумбой.

Привлек внимание мальчик. Он бегал вокруг клумбы, пыхтя, шипя и двигая в такт согнутыми в локтях руками.

Гражданин подозвал его к себе:

— Ты чего тут мотаешься, мальчик?

— Я не мотаюсь,— ответил мальчик.— Я играю.

— А папа твой где?

— Где? На службу ушел...

— А мама?

— А мама дома, пирожки печет.

— Вот, вот извольте,— сокрушенно покачал головой гражданин в очках,— отец на службе, мать готовит обед, а он тут шумит, бегаёт...

— А я еще маленький!— возразил мальчик.

— Отговорочки... Слыхали уж это! Нельзя ли без отговорок?! К работе, молодой человек, с малых лет привыкать надо!.. Ну, да ладно, у меня нет времени с тобой тут дискуссии разводить!.. Бегайте, бегайте, молодой человек, шипите и пыхтите!..

С достоинством он поднялся и, выйдя из сквера, проследовал через дорогу в летнее

сооружение из фанеры, парусины и круглых столиков.

— Есть кофе со сливками, есть какао, есть мороженое сливочное, ореховое, шоколадное,— сказала, подходя к столику, девушка в оранжевом берете,— мороженое будете кушать?

— Все три сорта!— приказал гражданин.— Или нет, погодите: один сливочный, два шоколадных или же лучше— два сливочных и один шоколадный.

Девушка тотчас же принесла два ореховых шарика и один шоколадный.

Приподняв очки, гражданин посмотрел на вазочку с мороженым. Затем он поглядел на девушку в берете, и в голосе его зазвучало негодование:

— Надо слушать, что вам говорят, гражданинка подавальщица! Вы на работе и будьте любезны быть внимательной. Дадите сюда два сливочных и один шоколадный. Запомните? Или же нет. Погодите: одно сливочное плюс два шоколадных!..

На перекрестке, у остановки автобусов, вновь можно было увидеть знакомого нам круглолицего гражданина в роговых очках.

Было уже двадцать минут четвертого.

Теперь вниманием его завладели маляры. Отдвинув в сторону ведра, в которых пузырились краски, маляры благодушно глядели на проходящих и с наслаждением потягивали самодурку из газетной бумаги.

— Работнички!— разгневался гражданин.— Вы где? На работе? Так будьте любезны не покуривать, а работать... А еще тут с этим автобусом! Стоим, стоим, полчаса стоим— и ни одной машины. Это что— работа? Это называется, я извинюсь, работать? Нет уж, если выехали на линию, так будьте любезны выполнять то, что от вас требуется! Будьте любезны выполнять график! Будьте любезны...

Часы пробили без четверти четыре, когда гражданин в роговых очках, поднявшись по лестницам треста «Стекло и фаянс», устало опустился в кресло за письменным столом.

— Где это вы были, Василий Александрович?— спросила секретарша.— Вам тут звонили, спрашивали вас.

— То есть как— где был? Ясно, что не гулял!— отвечал круглолицый в очках, именуемый Василием Александровичем.

— А тут вас восемь человек дожидались. Трое и сейчас в приемной сидят.

Круглолицый вскинул голову:

— То есть как же так— сидят? Кто им разрешил сидеть? А работа? А кто работать будет за них?!

Л. МИТНИЦКИЙ

— Папа теперь больше отдыхает.
— Он раньше ложится?
— Нет, он сидит на службе не семь часов, а восемь.

На Волге, там, где «Устье Камское»,
Проезжим трактором проходя,
Я встретил отношенья хамское
К себе со стороны дождя.

Он подошел шагами кроткими,
Как хулиган привязчив стал...
И... неожиданными плетками
Меня до нитки прохлестал.

Тогда я ветру вроде жалобы
Сказал:— Всеми же есть предел,
Товарищ ветер, не мешало бы
Не допускать подобных дел!

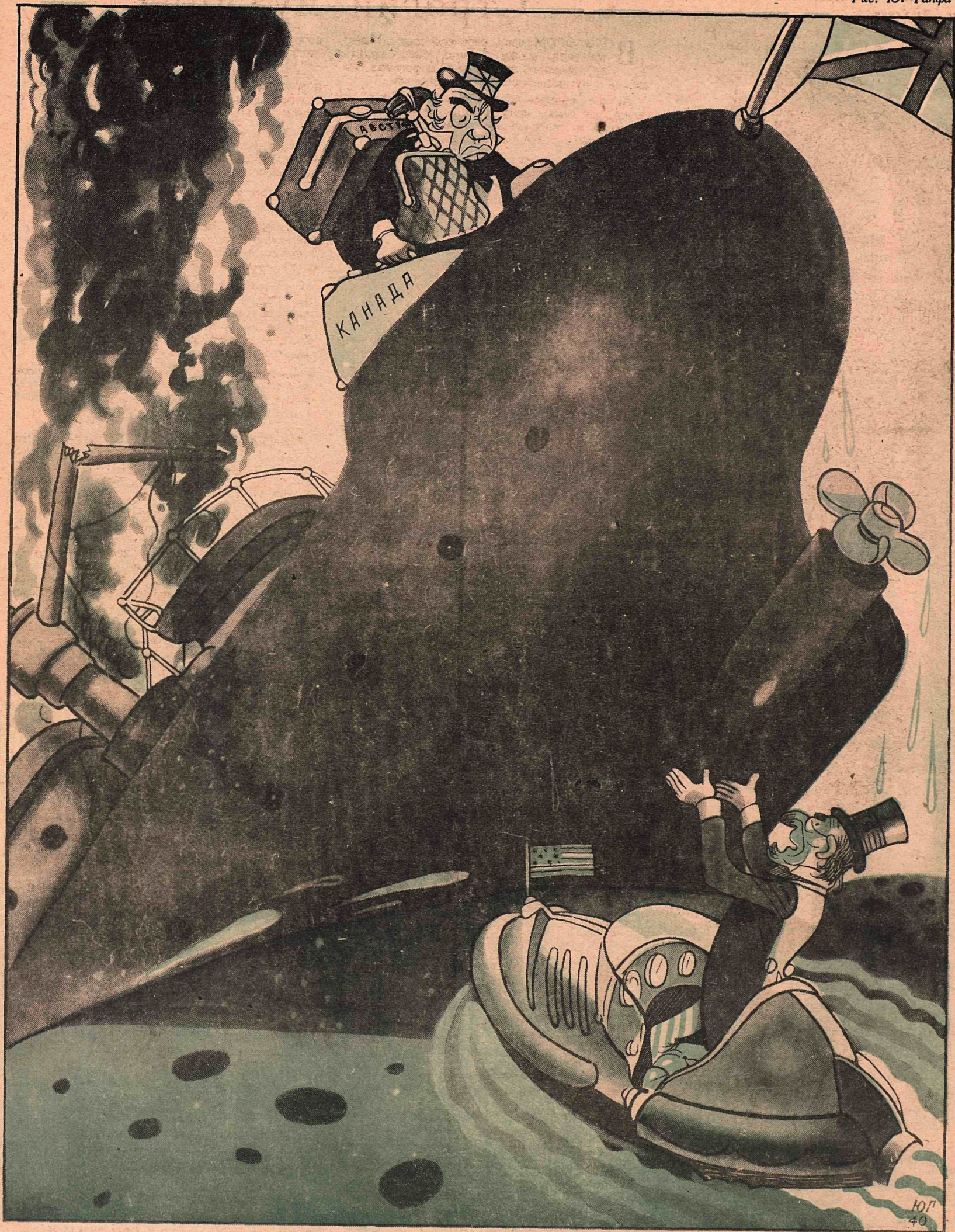
Мои спутники

А он расправил крылья чистые,
Взлетел дождю наперерез,
И туча злая и плечистая
Ушла с дождем за дальний лес.

Тут солнце выглянуло заново
На весь мой путь... А путь не мал...
Я шел под пень ветра рьяного,
Я солнцу руки пожимал.

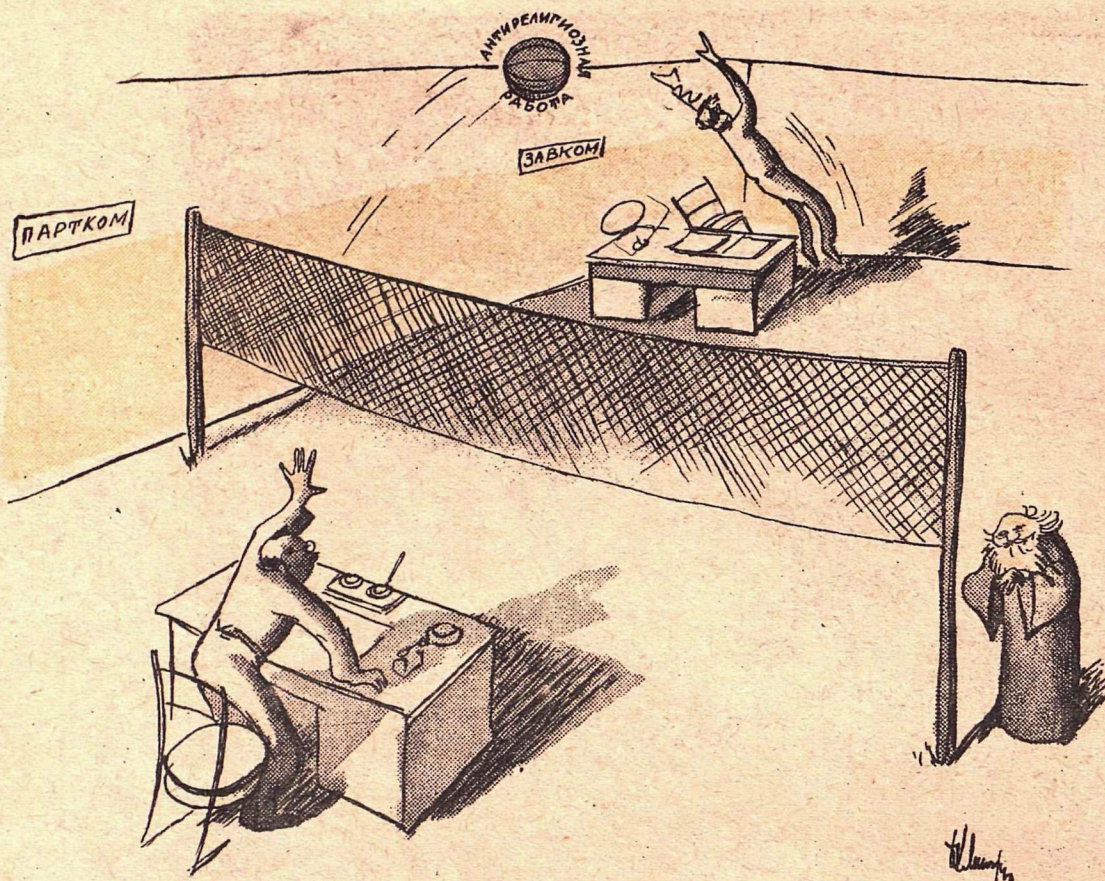
Меня овеял ветер, бестия,
А солнце высушило сплошь...
С тех пор повсюду с ними вместе я
И нас— водой не разольешь!

СЕРГЕЙ СМЕРНОВ

— Бросьте, сэр, мне ваши вещи! Вам же будет легче!

Рис. Б. Клинка

ПОП: — Опять 6:0 в мою пользу.

Научная аномалия

ВЧЕРА я решил немножко помыться. Не то, чтобы я давно не мылся, но все-таки месяц с небольшим прошло с тех пор, как я в последний раз купался на взморье.

А тут такое великолепие: наконец-то, починили ванну в нашей квартире!

Не то, чтобы ванна у нас была сломана или она протекала, нет, она была исправна, но черт-жильцы имели обыкновение стирать в ней. Лили воду, мочили пол, так что юн у нас вообще никогда не просыхал. И благодаря этому балки подгнили и наша ванна со всеми потрохами едва не провалилась в нижний этаж.

Еще спасибо, там жил инженер, который сразу заметил грозную опасность и успел на свой комод подставить какую-то балку, на которой и удержалась вся эта механика.

Но вот благодаря старанию квартуполномоченного, у которого друг детства служит в жилотделе, нашу ванну, наконец, починили: всего спустя год после того, как она подгнила.

В общем вчера я решил помыться в этой ванне.

Я отлично ее вытопил остатками ящика изпод дров и приступил к процедуре.

Конечно, некоторые жильцы моются не особенно культурно. Некоторые лезут в ванну сразу с ногами и головой. И в одной и той же воде моют все, что ни попало.

Лично я так не поступаю. Я сначала налил в тазик воды и вымыл в нем ноги и голову, а засим уж стал напускать воду в ванну, чтоб то же самое проделать со своим корпусом.

Но едва я открыл кран, как увидел, что вода течет ненормально, тонкой струйкой.

Я развинтил кран доотказа и тут убедился, что вода вообще больше не течет.

Я надел трусики и выскочил на лестницу, чтоб спросить у соседей, как у них с водой: общее ли это явление или только наша ванна не подает воду.

Оказалось, что у соседей тоже перестала вода течь.

Но в момент разговора с соседями наша входная дверь захлопнулась на французский замок, благодаря сквозняку.

И я в своих трусиках остался на лестнице. Голова мокрая. Мыльная пена на затылке и на ушах. Ноги тоже в мыльной пене. Усы висят книзу. Кошмар!

Я стал трезвонить, чтоб мне открыли дверь, но вдруг вспомнил, что в квартире никого нет, все ушли, и только осталась одна маленькая девочка, которая при всем желании не могла открыть мне двери по причине того, что она еще не умела ходить.

Тогда я стал просить соседей, чтоб они меня приютили на время. Но соседи грубо мне в этом отказали, ссылаясь на то, что у них гости и я могу их перемарать мыльной пеной.

Их нечуткость меня рассердила, и я побежал вниз, в домовую контору, чтобы выяснить у нашего управдома, что случилось с водой.

Управдом сказал:

— Теперь я вижу, что мы зря вам починили ванну. Когда у вас не было ванны, все было тихо. А теперь, когда у вас ванна, вы в своих трусиках врываетесь в контору, шумите и кричите, как будто это я закрыл во-

ду. Воду закрыл водопроводчик для того, чтобы выяснить, отчего второй год вода не поднимается в шестой этаж.

Я говорю:

— Почтеннейший! Как было бы хорошо, если б хотя за полчаса вы предупредили жильцов о закрытии. Конечно, это мелочи жизни, но в этом акте предупреждения мы увидели бы уважение к людям, которые садятся в ванну.

Усмехнувшись, управдом говорит:

— Еще чего захотели! Для этой цели надо иметь особый персонал.

Я говорю:

— Могли бы записку под воротами вывесить. Вот это было бы культурное обслуживание жильцов на базе взаимного понимания.

Управдом говорит:

— Конечно, записку можно было бы вывесить, но тогда бы эту записку прочли все жильцы без разбору. А среди них, как вам известно, имеются неаккуратные плательщики, лодыри и прочий недоброкачественный элемент. А я не намерен их культурно обслуживать.

В момент нашего разговора я пронзительно вскрикнул, вспомнив, что ванна моя топится, в то время как в колонке нет воды. Возможно, что колонка уже распаялась...

Вместе с управдомом мы кинулись в подвал, где орудовал водопроводчик. Мы упростили его временно дать воду, чтоб спасти ванну от гибели.

Тот нехотя согласился. И мы втроем поднялись в наш четвертый этаж.

Но дверь была закрыта, и мы не могли попасть в квартиру.

Тут я вторично пронзительно вскрикнул. Вода ведь пущена по всему дому, а у меня в ванне кран развинчен до отказа. Небось, вода хлынула за края ванны, и наша квартира вскоре будет затоплена.

Мы уже хотели ломать двери, но в этот момент на лестнице показался наш квартирант — профессор кислых щей Барбарисов.

Он открыл двери, и мы с трепетом вошли в ванную комнату.

Но там оказалось все в порядке: в топке чуть тлел огонек, а из крана едва капала вода.

Управдом развел руками, а водопроводчик задумчиво сказал:

— Лично мне понятно, почему у вас едва капает вода: все нижние жильцы раскрыли краны, и сейчас, после перерыва, слишком велико потребление воды. Это и спасло вашу квартиру от наводнения.

Управдом сказал:

— Может быть, и в шестой этаж вода у нас не поступает по той же самой причине? Водопроводчик согласился с этим мнением. Он сказал:

— И очень просто, ибо ниже шестого этажа слишком много жильцов, которые то пьют, то льют воду, то вообще забывают крантики закрыть. Ясно, что для верхних не всегда хватает.

Профессор кислых щей Барбарисов заключил нашу беседу научной сентенцией. Он сказал:

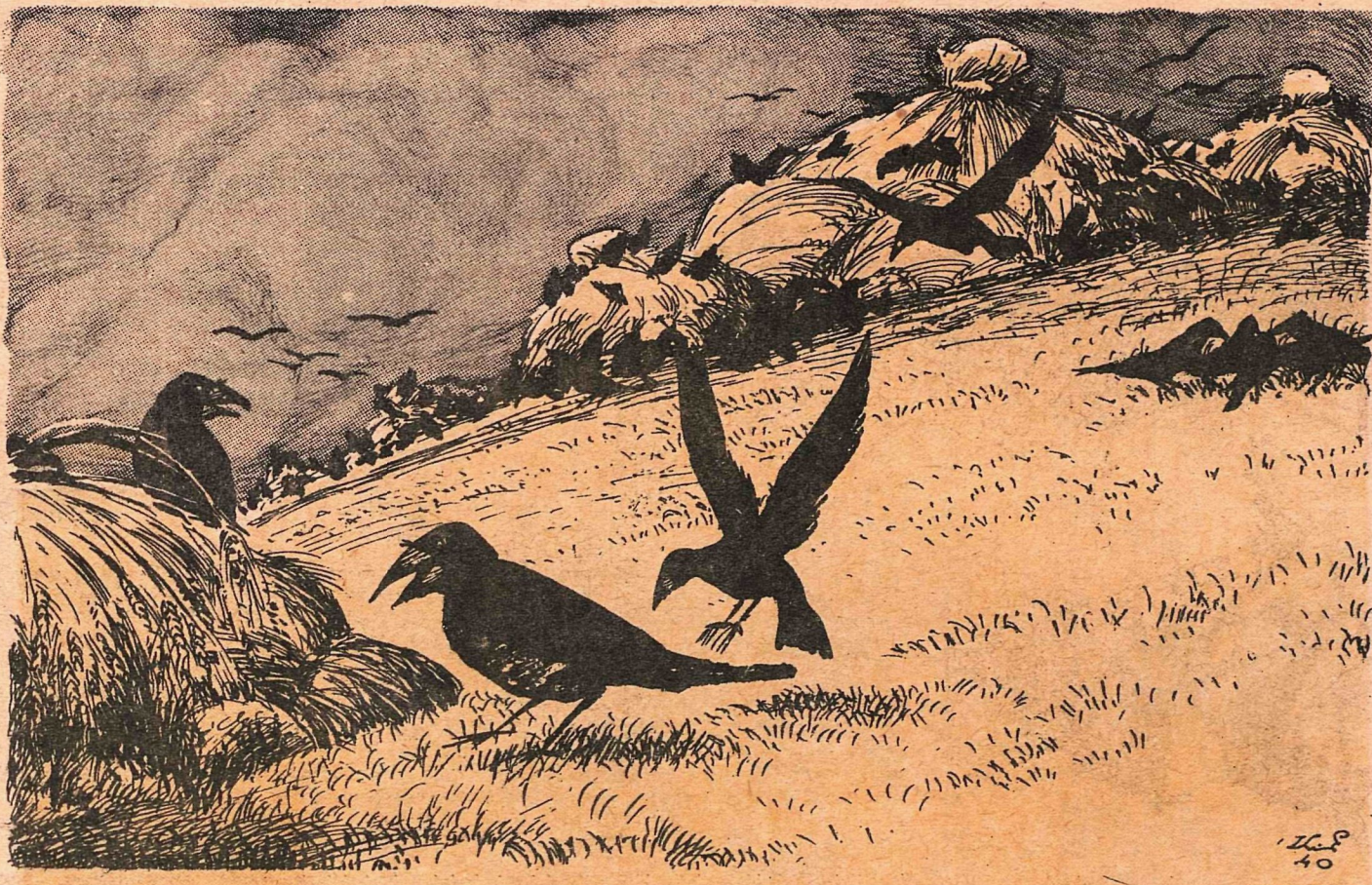
— Весь мир возник из воды. Вода присутствует почти что в каждой вещи. В грибах, в ягодах, в человеке и даже в книгах. И только ее почему-то бывает мало в питьевых ларьках, в буфетах и иной раз в домах. И это есть научная аномалия.

Неожиданно из крана хлынула вода и тем самым опрокинула научные домыслы профессора.

В общем через час с четвертью я благополучно домыл свой корпус.

Заслуж. деят. М. М. КОНОПЛЯННИКОВ-ЗУЕВ

Рис. К. Елисеева

— Не понимаю: почему это называется потерями? Для нас это сплошная находка — 1,65 центнера с гектара.

Капитон Заступако

Портретисты-художники — странный народ,
Да и мы, литераторы, тоже, не скрою:
Любим ждать, чтоб герой постучал у ворот,
И тогда мы лениво откроем герою.
Нет того, чтоб самим поискать да найти
Для своей же картины, поэмы... Однако
Я ютнудь не таков. Я нашел Заступако.
Он, бесспорно, герой. Не совсем, но почти.

Капитон Заступако собой неказист.
Потому-то его и не выбрал «натурой»,
Сколько ведомо мне, ни один портретист.
Не воспел Заступако и литературой,
И красивая девушка, часто дыша,
В Заступаку не влюбится с первого взгляда.
Словом, как говорится, ясней шоколада:
Заступако собой некрасив. Но душа!

Ах! Душа эта в теле его лишь гостит!
Так и кажется, на небесах она реет.
Он любую ошибку поймет и простит
И виновника теплым вниманьем согреет.
О душе этой можно лишь грезить в мечтах...
Ну а тело его, в башмаках на резине,
Вы встречали в трамвае, в кино, в магазине
И в подобных, весьма прозаичных местах.

Скажем, мчится, гремя, 23-й маршрут.
Толкотня. Ну, да что и возьмишь с пассажира?
Он нервозен. Порою язык его крут.
Заступако — иной: он нежнее зефира.
Но лишь только в вагоне хмельной хулиган
Обругает соседа, толкнет инвалида,
И у всех появляется гнев и обида,
Заступако меняется: он ураган!

Он готов, как боксер, к напряженной борьбе,
Он, как древний пророк, к вашим чувствам
звывает:
«Что вы лезете? Ну, человек не в себе!
Ну, и вышил! Подумаешь! С кем не бывает?»

Ах, не пьете? Ну хватит! Довольно вранья!
Мне порода таких скандалистов знакома:
Нападают здесь на бедняжку, а дома
Напиваетесь сами, небось, как свинья!»

Хулиган усмежается: «Прав-вильна! Крой!
Его фант! Обижают трудящие массы!»
Поднимаются споры, галдеж... А герой
Соскочил и уже в магазине, у кассы.
Все как будто бы мирно и тихо. Но — глянь:
Покупательница, от волнения плача,
Говорит, что кассирша недодала одачу,
А в ответ на протест заявила ей: «Дрянь!»

Начинается шум. Негодует «черед»:
«Возмутительно! Жалобу надо! Где книга?»
Но уже Заступако продрался вперед
(Он давно ожидает подобного мига):
«Постыдились бы, граждане! Все на одну!
Это ж каторжный труд! Вот просчетик и
вышел!»

Ничего не облаяла! Врете! Не слышал!
Из-за жалкой рублевки — скандал! Ну и ну!»

Из него так и прет всепрощенья труха,
Он приемчики дома продумал дотошно:
«Ну и с кем не случается?», «Кто без греха?»,
«Постыдились бы, граждане!», «Дико и пошло!»
И иной застыдится, другой отойдет,
И порой в учрежденьях, вокзалах, киосках
Он находит приверженцев и подголосков,
А у всех разгильдяев — привет и почет.

Заступако ни разу позиций не сдал.
Он наметил давно своей жизни дорогу!
Если кто матерится, крадет, опоздал, —
Заступако немедля летит на подмогу!
Сверхурочно и не нормируя «труда»,
Заступако свое прилагает старанье,
Чтоб советского общества самосознание
Не наделало наглому хамству вреда!

Но... Откуда сие снисхождение к грехам?
Что таится в таком замечательном свойстве?
Что? А вот что: в душе он стяжатель и хам
И стихийно своих защищает по-свойски!
В этом смысле для нас он понятен и прост,
Но крадется к нам, прятая за ним как за
тенью,

Заступако иной и повыше ступенью.
Для него бытовой Заступако — форпост.

Он любое важнейшее дело предаст,
Он везде своему же потворствует брату.
Он дрянную продукцию ловко продаст,
Оправдает прогульщика, «спитет» растрату,
Он в мгновение стакнется с любым подлецом,
Он в шарткоме погладит врага по головке:
«Ну, ошибся, бедняжка, в формулировке!
Указали — и хватит! И дело с концом!»

О «живом человеке» он любит кричать,
Об отсутствии мягкости и сожаленья...
Это ложь!

Мы умеем ошибки прощать,
Если это ошибки, а не преступленья,
Но умеем прикрикнуть на свору собак,
Преградивших дорогу нам с визгом и лаем.
Ни щадить мы их, ни пожалеть — не желаем!
Так давайте ж в работу возьмем Заступак,

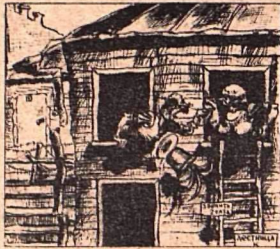
Так давайте их разоблачать налету
И кричащих «Ну с кем не бывает! Не
троньте!»

Ненавидеть — в работе, искусстве, быту,
На идейном и на производственном фронте,
Так давайте же дерко, как большевики,
Узнавать, не смущаясь обличьем младенцев,
Под губами слюнявками сих «всепрощенцев»
Ядовитые, острые вражьи клыки!

НИКОЛАЙ АДУЕВ

ПОКА СУД ДА ДЕЛО
(Жилищное)

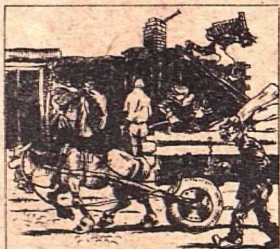
Рис. Е. Ведерникова

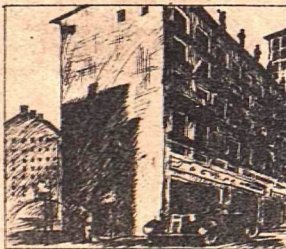
Не ладят соседи: он и она;
У них из-за комнат ведется война.

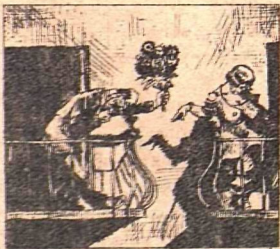
Вконец перессорившись, оба несут
Свои заявленья и жалобы в суд.

И вот в нарсуде разбирают вопрос,
А дом, между прочим, назначен на снос

И время идет, и на месте пустом
Красуется новый, отстроенный дом.

Соседи, забывши раздоры и суд,
Друг другу в восторге с балконов несут —
Она ему руку, а он ей букет.
Решенья ж судебного все еще нет.

Доска приказов

ПРИКАЗ № 77

По Тогучинскому Пенькозаводу, с. Тогучин, 22 мая 1940 года

§ 4

За нитактичное поведения и невыдержанность со стороны работницы Сницыной Марии, которая 21 мая сего года дома допустила за очно наносить нецензурные слова лично на администратора завода.

За невыдержанность т. Сницыной М. Объявляю выговор и предупреждаю, если кто такими вопросами будет заниматься я буду снимать с работы и привлекать к ответственности по закону.

Директор Балаганский.

ПРИМЕЧАНИЕ КРОКОДИЛА:

Интересно, как узнал о заочной невыдержанности Сницыной директор?

ПРИКАЗ № 180

по Управлению Печорского речного пароходства с. Усть-Уса, 23 июня 1940 года

§ 3

...Указанные в настоящем приказе пассажирские и буксирные суда, переводимые на хозяйственный расчет, послать в Северное центральное управление Наркомречфлота СССР на утверждение.

§ 4

Утвержденные народным комиссаром речного флота Союза ССР 19 апреля с. г. положения о хозяйственном расчете послать в Северное центральное управление Наркомречфлота СССР на утверждение.

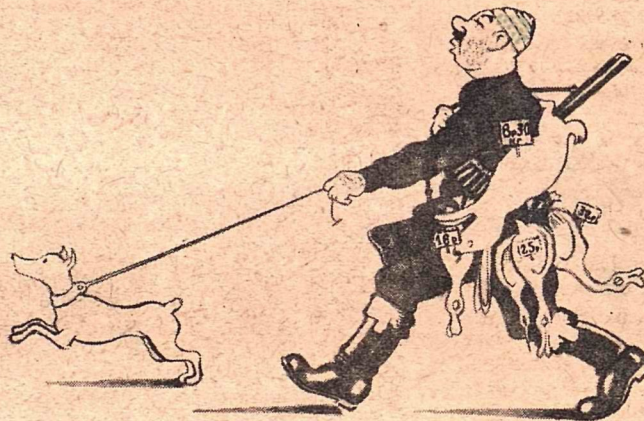
Начальник Печорского речного пароходства Окулич.

Секретарь Дмитриева.

НЕДОУМЕНИЕ КРОКОДИЛА:

Неужели положения, утвержденные наркомом, требуют еще санкции управления, хотя бы и центрального? И опять же нет нужной ясности в следующем: Окулич предлагает отправить буксирные суда на утверждение в Северное управление. Но как? Открытой бандеролью или «заказным» порядком?

Рис. М. Отарова

Рассеянный охотник.

Из зала суда

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Именем РСФСР

13 июля 1940 г. Нарсуд 2 го участка Савинского р-на Ивановской области в составе председательствующего Сахарова, народных заседателей Серегина и Веселовской, с участием прокурора Бардановой и защиты в лице Федоровой при секретаре Кирьяновой, рассмотрев в открытом судебном заседании дело по обвинению гр-на Богачева Александра Ефимовича по Закону Правительства СССР от 26/VI 40 г. в процессе судебного следствия установлено, что с момента опубликования обращения В.Ц.П.С. и Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26/VI-40 г. о переходе 8 часовой рабочий день и 7 дневную рабочую неделю и о запрещение самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений то со стороны администрации ф-ки Солидарность а также Партийно Комсомольской организации и фабрично заводского комитета данный закон разъяснен недостаточно а именно не доведено до

глубокого сознания значение данного закона до каждого рабочего. Это доказывает тот факт, что отдельно среди сезонных строительных рабочих данный закон не разъяснялся в том числе отдельно не разъяснили и Богачеву, а о законе от 26/VI-40 г. последний слышал от знакомых на улице. А поэтому исходя из выше изложенного определил: Указать дирекции ф-ки, а так же Партийно комсомольской организации и фабрично-заводскому комитету ф-ки Солидарность на то что они еще слабо проводят среди рабочих массово политико воспитательную работу среди рабочих ф-ки в частности слабо разъяснили закон Правительства СССР от 26 июня 1940 г., закон большой политической важности, о чем и довести до сведения РК ВКП(б) и РК ВЛКСМ.

Определение окончательно но может быть обжаловано в облсуд в 5 дневный срок через нарсуд.

Пред-щий Сахаров
Народные заседатели — Серегин и
Веселовской

Состояние

НЕКТО Подшибякин пришел на службу вовремя. Он долго тряс руку швейцару, облобызал его в обе щеки и потом проследовал к своему месту. Через пять минут секретарша вошла к директору и сказала:

— Сергей Иванович! Подшибякин сегодня выпивши.

— То есть, что значит «выпивши»? В состоянии опьянения или нет? Так надо ставить вопрос.

— Я не знаю, как это считать, в состоянии опьянения или нет,— пожалала плечами секретарша,— только он подпеваает и вставку не тем концом в чернильницу макает.

Директор вдруг озлился:

— Вот не знаете, в состоянии или нет, а докладываете! Если он в состоянии опьянения, тогда его надо снять с работы и под суд. А кто значит «в состоянии»?

Директор задумался и велел вызвать кое-кого из служащих и Подшибякина.

— Вот, товарищи,— сказал директор, указывая на Подшибякина, сидевшего с улыбкой на диване,— как его считать: в состоянии опьянения или нет? Циркуляр точных указаний на этот счет не дает.

Экономист Васькин сказал:

— Прекде, конечно, было — по одной половине пройтись. А у нас и половиц нет: паркет.

— Вот положение,— пробормотал директор, листая циркуляр.

— Погодите,— сказал бухгалтер,— мы его сейчас математикой проверим. Подшибякин! Шестью шесть сколько?

— Тридцать шесть,— икнув и покачавшись, ответил Подшибякин.

— Годен вполне. Да много ли выпил Подшибякин?

— Четыре по сто. Итого четыреста! — ответил Подшибякин.

— Правильно! — похвалил бухгалтер. — Да, ведь это детская порция. Вы, Сергей Иванович, этикие порционы за одной котлеткой упиваете. Помните, когда мы с вами сидели в саду?..

Директор густо покраснел и перестал:

— Это к делу не относится. Думайте скорее. А то хмель, как бензин. С каждой минутой Подшибякин трезвеет. А мы должны принять срочные решения.

Васькин поднял руку:

— Конечно, как половиц не имеется, так если не по ногам, так на язык его проверим. Подшибякин, вы в каком укреждении работаете?

Понатужившись, Подшибякин сказал:

— Главморбурбор.

— Точно! — подтвердил директор. — А ведь маляры три раза нашу вывеску перекрашивали, запутавшись в наименовании.

Директор отпустил всех, но еще долго листал циркуляр и бормотал.

— В состоянии? Иные думают, что если пахнет, уже пьян. Но как же руководить, где указания? Завести дежурную половицу, что ли?

В. ТОБОЛЯКОВ

Финская полиция разогнала собрание общества „Дружбы и мира с СССР“, поливая собравшихся из пожарных машин

Рис. Бор. Ефимова

— Зря стараетесь, господа! Нашу дружбу с Советским Союзом водой не разольешь!

Дорога в Теберду

Несла машина тяжкий груз —
Неисправных оптимистов...
Раздался выстрел: автобус
Покончил жизнь самоубийством.

И долго на дороге сей
Мы вдаль смотрели взглядом мутным.
Как ждавший ветра Одиссей,
Мы ждали всех машин попутных.

И вот настал блаженный миг,
И мы вскричали: «Стой, мгновение!»

Так добродушный грузовик
Нам, наконец, принес спасенье.

И снова в путь... И горный краж
Опять плетется за машиной.
Но, сделав вдруг крутой вираж,
Шофер нас вынес на равнину.

Глазам открылся дивный край,
Каких не так на свете много...

Но почему, скажите, в рай
Такая адская дорога?

ГЕОРГИЙ РУБЛЕВ

КУРОЧКА ПО ЗЕМ

И ТЕМ СЫТА, ОБУТА, ОДИ

В большой семье попадают
ник попытался показать
этих уродливых „курочек“
ский двор от всякой вредной

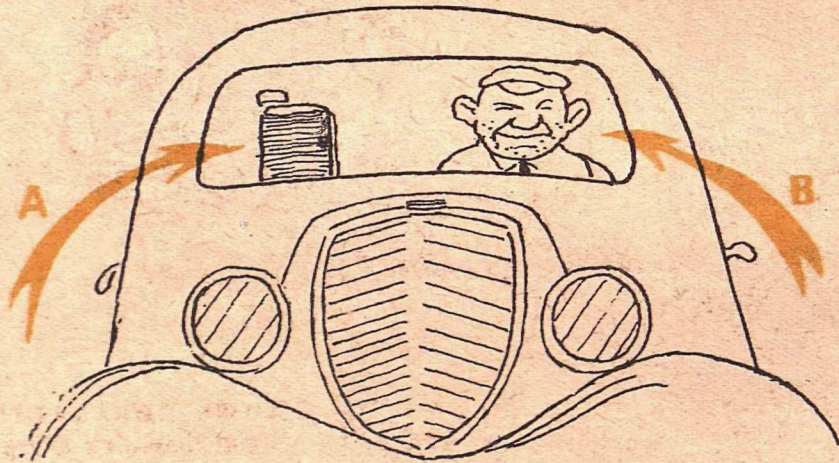
СРЕДИ КАССИРОВ

- Откуда?
- С дачи.
- А дача откуда?
- Со сдачи.

МАГ И

Маг — работа
вращает капл

ДВЕ ДЕТАЛИ ОДНОЙ МАШИНЫ

А — счетчик. В — обсчетчик.

НОВОСТИ СЕЗОНА

Шуба, сшитая из хлебных
довесков.

Завмаг — раб
ме" и превра
кусочки мас

ВНИМАНИЮ ПОСЕТИТЕЛЕЙ

Хищники на свободе.

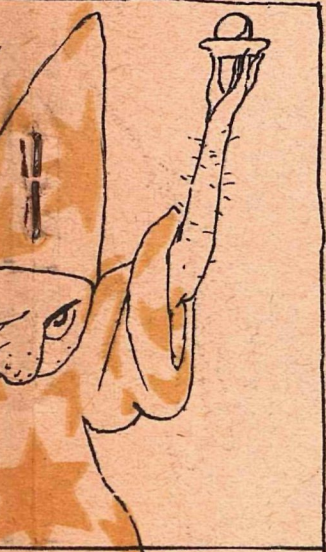
ПРИБЫШКУ КЛЮЕТ...

...И ДАЖЕ ПЬЯНА БЫВАЕТ

...иногда и уроды. Наш художник наиболее типичные экземпляры и да очистится скорее советскими!

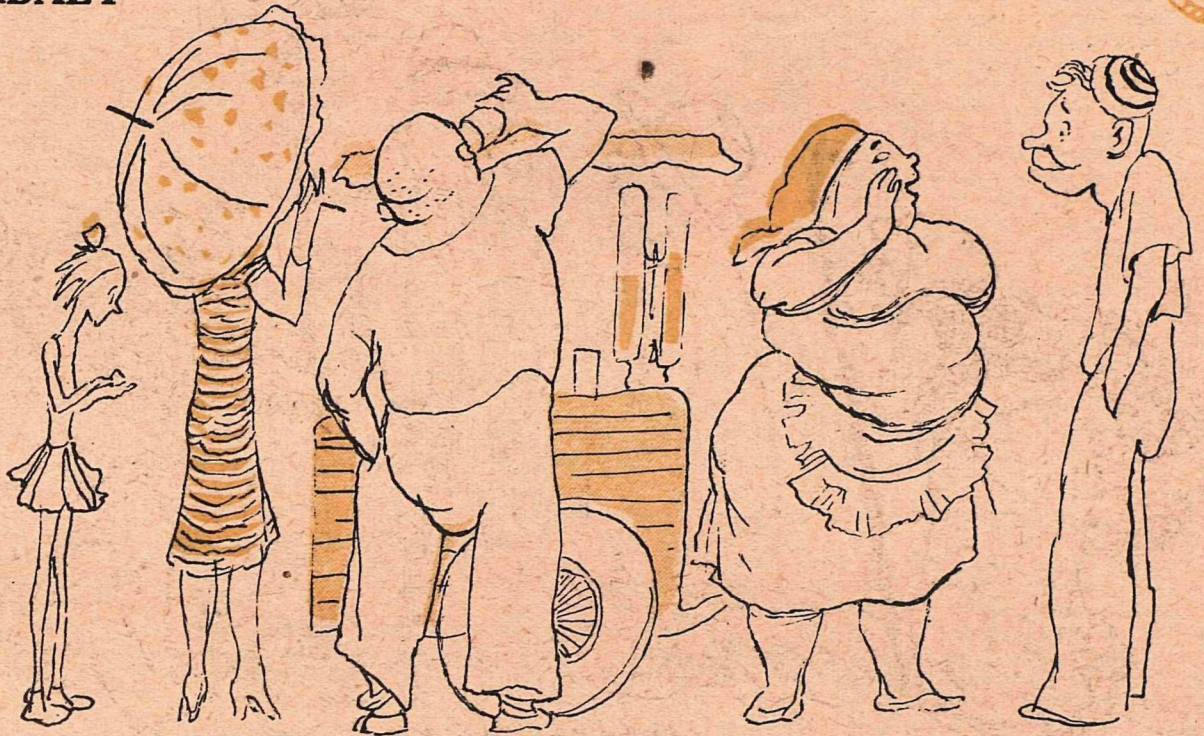
ЗВМАГ

...в цирке и прелю воды в кусочек масла.

...отвечает в „Гастрономизм“ недоданные ла в добротный оояль.

ВЕРНОЕ СРЕДСТВО

- Аничка, как ты поправилась!
- Еще бы: принимаю по двадцать капель.
- Чего?
- Сиропа. С каждого покупателя.

ТРУДНАЯ РАБОТА

- Как ты пошил себе этот прекрасный костюм?
- С большой натяжкой: по десять сантиметров с каждого отреза натягивал.

ТОЖЕ ПОКАЗАТЕЛЬ

- 200 граммов?! А стрелка что показывает?
- Как что? Мошенников!

ВНИМАНИЮ ПРОКУРАТУРЫ
Хищники пока еще на свободе.

Глупая история

АРТИСТКА Люкина, Надежда Петровна, маленькая женщина с капризным птичьим личиком, была убеждена, что ее знакомые мужчины только для того и существуют на белом свете, чтобы выполнять ее, Надежды Петровны, поручения и просьбы.

Просьб было много. Знакомых тоже немало. И жизнь Надежды Петровны катилась легко.

— Душенька! — говорила Надежда Петровна знакомому, делая «милые глаза». — Вы меня действительно любите?

— Она еще спрашивает!
— И все готовы для меня сделать?
— Прикажете помереть у ваших ног — помру! Не смейтесь, ей-богу, помру!

— Сначала достаньте для моей мамы билет в Сочи на пятое, а потом... можете помирать.

— Есть, достать билет на пятое.
— Обождите. Вы меня любите красиво?
— Она еще спрашивает! Красивей нельзя!
— Тогда постарайтесь, чтобы был купированный вагон.

Однажды Надежде Петровне понадобилась путевка в Кисловодск. Достать путевку было поручено самому верному и преданному поклоннику — Александру Лазаревичу.

Александр Лазаревич, почтенный профессор-гинеколог, поручение принял с восторгом. Но ему неожиданно пришлось уехать в командировку, и достать путевку он не успел.

— Я оставлю вам письмо к самому Лакрицину, Надежда Петровна, дорогая, — сказал профессор, прощаясь. — Он вам все сделает. Я написал так: «Я лично ни в чем не могу отказать подателю сего письма. Надеюсь, что вы последуете моему примеру».

— Значит, я сама теперь должна переться к вашему противному Лакрицину?

— Деточка, это же почти рядом с вами. И потом, вы можете позвонить Лакрицину по телефону. Запишите его номер, а я его предупреджу.

Надежда Петровна записала номер телефона Лакрицина, прохладно простилась с расстроенным профессором и побежала в театр на репетицию.

На следующее утро, встав с постели, она надела изящный японский халатик с драконами, подмазала губы и стала звонить Лакрицину.

— Вас слушают, — послышался в трубку скрипучий, неприятный женский голос.

— Попросите товарища Лакрицина.

— Кто спрашивает?

— Нужно было сказать просто: «Говорит артистка Люкина». Но Надежда Петровна, повиная странному движению души, правду почему-то не сказала, а, замывшись, не очень уверенно произнесла:

— Говорит... Румянцева!

— От кого вы?

— Что значит — от кого? От себя!

— От какой организации?

— От своей собственной организации. В общем, дайте мне товарища Лакрицина. У меня к нему дело.

— А к нему без дела не звонят. Какое у вас дело?

— Это я скажу самому Лакрицину. Дайте мне Лакрицина, — рассердилась Надежда Петровна.

— Я должна передать товарищу Лакрицину, по какому делу вы звоните.

— Вас это не касается. Передайте Лакрицину, что звонит Лю... то есть эта... Румянцева.

По делу. От Александра Лазаревича.

— Хорошо, — злоево сказала трубка. — Передам. Обождите у аппарата.

Прошло пять томительных минут.

— Товарищ Лакрицин сказал, — вдруг раздался тот же скрипучий женский голос, — что никакой Румянцевой он не знает. В чем ваше дело?

Пылая от гнева, Надежда Петровна резко положила трубку. Выкурив папиросу и несколько успокоившись, она снова набрала номер Лакрицина.

— Вас слушают.

— Попросите товарища Лакрицина.

— Кто спрашивает?

— Артистка Люкина.

— От кого вы?

— Что значит — от кого? От себя.

— От какой организации?

— О, господи! От своей собственной!

В трубке послышались странные звуки: не то фырканье, не то хрюканье.

— Гражданка Румянцева, а ведь я вас узнала. Положите трубку!

Надежда Петровна ударила кулачком по столу так, что телефонный аппарат, жалобно звякнув, подскочил на месте, и решила ехать к Лакрицину и требовать страшной кары для секретарши и путевку для себя.

Но, взглянув на часы, увидела, что опаздывает в театр. Ахнув, она стала одеваться.

На следующий день утром Надежда Петровна в том же японском халатике с драконами заняла ту же позицию у столика с телефонным аппаратом и осторожно набрала номер Лакрицина.

— Вас слушают.

— Будьте добры, — вкрадливо сказала артистка, — попросите товарища Лакрицина.

— Кто спрашивает?

— Спрашивает... Иванова. От одной организации. Если товарищ Лакрицин сейчас занят, пусть он мне потом сам позвонит. Мой номер Д 3-32-50.

— Гражданка Румянцева, Люкина, Иванова... — хихикнув, сказала трубка. — Я советую

вам прекратить преследование товарища Лакрицина.

...Вечером, когда Надежда Петровна вернулась домой из театра, раздался резкий телефонный звонок. Надежда Петровна сняла трубку и сказала кокетливым тоненьким голоском, который так нравился ее поклонникам:

— Алло! Я у телефона.

В трубке послышалось знакомое густое женское контральто:

— Можно... Иванову?

— Здесь нет Ивановой.

— Ну, эту... Румянцеву.

— И Румянцевой здесь нет никакой.

— Тогда Люкину... Ага, молчите? Я сразу почувствовала, что это вы.

— Кто это говорит?

— Говорит... жена Лакрицина.

— От какой организации, то есть что вам нужно?

— Только правды, — трагически сказала контральто. — Что вам нужно от моего мужа, ужасная женщина? Где вы с ним познакомились? Отвечайте!

— Позвольте! Я вашего мужа в глаза не видела.

— Не лгите! Зачем вы звоните ему, называете разные фамилии? Что это за тайны?

— Честное слово, вы с ума сошли. Я даже незнакома с вашим мужем. Мне просто нужно было достать путевку в Кисловодск.

— В Кисловодск? Какой ужас! Теперь я понимаю, почему вы меня одну отправляли в Крым, а сам индивидуально целился на Кисловодск. Он хотел быть с вами вдвоем, гражданка Румянцева, Люкина, Иванова?

— Вы меня смешите, гражданка Лакрицина.

— Смейтесь! Если вы такая развращенная, ужасная женщина. Смейтесь! Но в Кисловодск с ним вы не поедете.

...Пожилый добродушный актер Купатов, сотрудник Люкиной, первый заметил, что с Надеждой Петровной творится что-то неладное.

— Ты что, птенчик? — спросил он, заходя в уборную к Люкиной. — Носок прустный, перышки всклокочены?

— Глупая история, — серьезно сказала Надежда Петровна, — но из-за этой глупости я не могу достать себе путевку в Кисловодск.

И она рассказала Купатову все.

— Все понимаю, — сказал Купатов, выслушав Надежду Петровну, — одного не понимаю: зачем тебе нужно было доставать путевку через своего профессора, когда ты могла сама пойти в местном театре и взять там путевку в Кисловодск. Они не знали, куда ее девать. Насилу меня умолили взять.

— И вы взяли?

— Взят!

— Душенька! — сказала Надежда Петровна, делая «милые глаза». — Вы меня любите?

— Люблю, птенчик!

— По-рыцарски, красиво?

— А как же иначе!

— Уступите мне вашу путевку.

— Да ты скажи в местном, тебе достанут.

— Аркадий Аркадьевич, вы же рыцарь!

— Ну, ладно... забирай путевку, птенчик!

— Спасибо, душенька, — сказала Надежда Петровна и, помолчав, прибавила: — Все хорошо, что хорошо кончается!

Леонид ЛЕНЧ

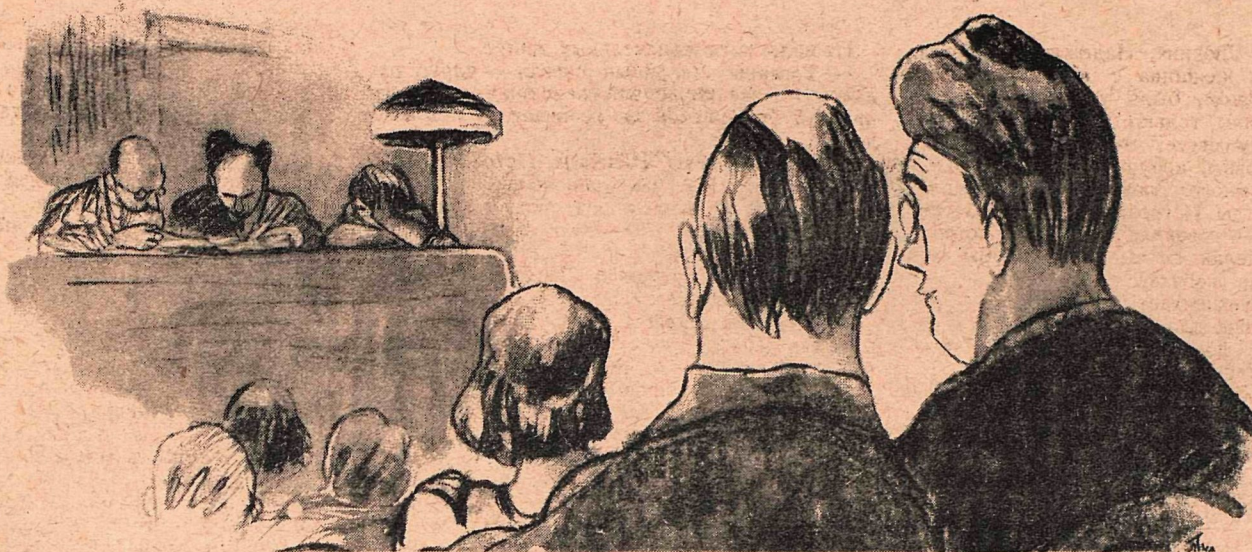
Рис. Н. Лиса

УСЛОВНЫЙ РЕФЛЕКС

— Почему ты вытираешь руки о скатерть, а ложку в карман положил?

— Тьфу, чорт! Вообразил, что я в общественной столовой.

— Странно, в повестке объявлен разбор заявлений в партию, а принимают здесь всех без разбора.

Человек, ушибленный протоколом

МИР представляется ему в виде огромной канцелярии.

Небесный свод — большой лист нелинованной бумаги. Солнце всходит и заходит — это что-то вроде входящего и исходящего. Звезды — знаки препинания. Тучи — кляксы. Гром — выговор. Гром и молния — строгий выговор с предупреждением.

Все люди — штатные единицы...

До всего этого на досуге додумался Сергей Иванович. Мы незнакомы. Но он прислал нам наднях письмо. Судя по этому сочинению, можно с уверенностью сказать, что Сергей Иванович — человек, ушибленный протоколом.

Сергею Ивановичу кажется, что вне канцелярских протоколов нет жизни. Слушали и постановили — вот основа бытия.

Мир ясен и понятен: это — ведомство, канцелярия. Но есть в мире одна туманная организация, которая до сих пор находится на отшибе, в стороне от протокола. Это семья.

Дальше нельзя терпеть такое безобразие! Надо немедленно втиснуть семью в протокол, превратить ее в учреждение и выработать для нее общие правила внутреннего распорядка.

Сергей Иванович взял на себя труд сочинить правила. Он просит нас опубликовать их для пользы человечества. Просьбу выполняем и приводим точные цитаты.

Озаглавлен этот труд так:

«Основные правила общежития (конституция семьи)».

Дальше следуют пункты:

«1. Все члены семьи — независимо от возраста и семейного положения — равноправны.

2. Все вопросы, касающиеся правил общежития, распределения материальных благ и трудовых обязанностей между членами семьи, споры, вытекающие из условий общежития и возникающие в связи с этим, решаются Советом семьи».

Как видите, законодатель все предусмотрел. Намечается даже верховный орган семьи. Кто же входит в Совет семьи?

«3. Все члены семьи, достигшие двенадцатилетнего возраста, являются членами Совета семьи с правом решающего голоса».

Примечание. Члены семьи от 8 до 12 лет пользуются совещательным правом голоса на заседаниях Совета семьи».

Итак, самая широкая демократия. Лишними являются лишь грудные дети и дошкольники. Но надо думать, что и эти мелкие слои населения добьются своих прав. Крепче шаг, товарищи, больше решимости, никаких компромиссов!

Как происходят заседания Совета семьи? Об этом говорят нижеследующие пункты:

«4. Заседания Совета семьи производятся по требованию одного или нескольких членов семьи, достигших восьмилетнего возраста, в любое свободное от государственных и учебных занятий время.

5. Для ведения заседаний Совета семьи каждый раз избирается секретарь Совета семьи, причем обязательно соблюдается очередность. Секретарь Совета семьи несет свои обязанности до следующего заседания Совета семьи, пока его место займет следующий очередной секретарь. На заседания, происходящие в течение одного дня, секретарь не переизбирается.

6. На обязанности секретаря Совета семьи лежит:

1) запись в «Книгу постановлений Совета семьи» всех решений Совета в краткой формулировке;

2) докладывать следующему очередному заседанию Совета семьи о выполнении предыдущих решений Совета семьи».

Опускаем некоторые незначительные пункты и переходим к тому разделу, который с такой убедительностью и ясностью трактует о нарушениях и преступлениях:

«9. Ни одно преступление, кем бы оно ни было совершено, не может быть оставлено без наказания, обязательно рассматривается на заседании Совета семьи в присутствии нарушителя, и Советом семьи выносится соответствующее наказание».

10. Нарушивший правило общежития первый вносит предложение о порядке и размерах наказания для себя. В том случае, если предложенное им самим наказание не будет соответствовать размерам преступления, Совет семьи вносит свое предложение и утверждает его большинством голосов.

11. Нарушивший правила общежития при вынесении ему наказания от голосования не устранился и голосует на равных правах как члены Совета семьи».

В заключение Сергей Иванович с присущей ему скромностью пишет:

«Предлагаемый мною документ, по моему мнению, является чрезвычайно важным инструментом, ускоряющим приход человечества к абсолютной культуре. Он, этот документ, вначале при постепенном, а потом при массовом его применении с невероятной быстротой разобьет капиталистический, частнособственнический уклад семьи...»

Возникает вопрос: не испытал ли Сергей Иванович свои правила на собственной семье?

Следовало в порядке обмена опытом рассказать и об этом.

И сие Сергей Иванович предусмотрел. Оказывается, он пробовал. Но опыт не удался.

«И я пока что, — жалуется он, — не смог доказать своей жене важность введения в жизнь нашей семьи этой конституции».

Мы вполне понимаем ее, жену Сергея Ивановича. Понимаем и сочувствуем.

Чего не можем сказать о покойном родителе Сергея Ивановича.

В первых строках своего послания Сергей Иванович коротко рассказывает нам свою биографию. Он вспоминает о том, как отец порол старшую сестренку будущего автора семейных правил, и добавляет: — «А меня не секли».

Ошибся старик, царство ему небесное! Не по тому адресу розгу направлял.

Ведь вот старшая сестра выросла и, насколько нам известно, не думает заниматься сочинениями в духе брата.

Г. РЫКЛИН

КСТАТИ, О «ШЛЯПАХ»

Что же известно широким массам о гг. Герасимове и Нефедьеве?

О гг. Герасимове и Нефедьеве широким массам известно следующее:

1. Тов. Герасимов является ответственным редактором, а тов. Нефедьев — ответственным секретарем газеты «Социалистическое земледелие», что издается в городе Пугачеве, Саратовской области.

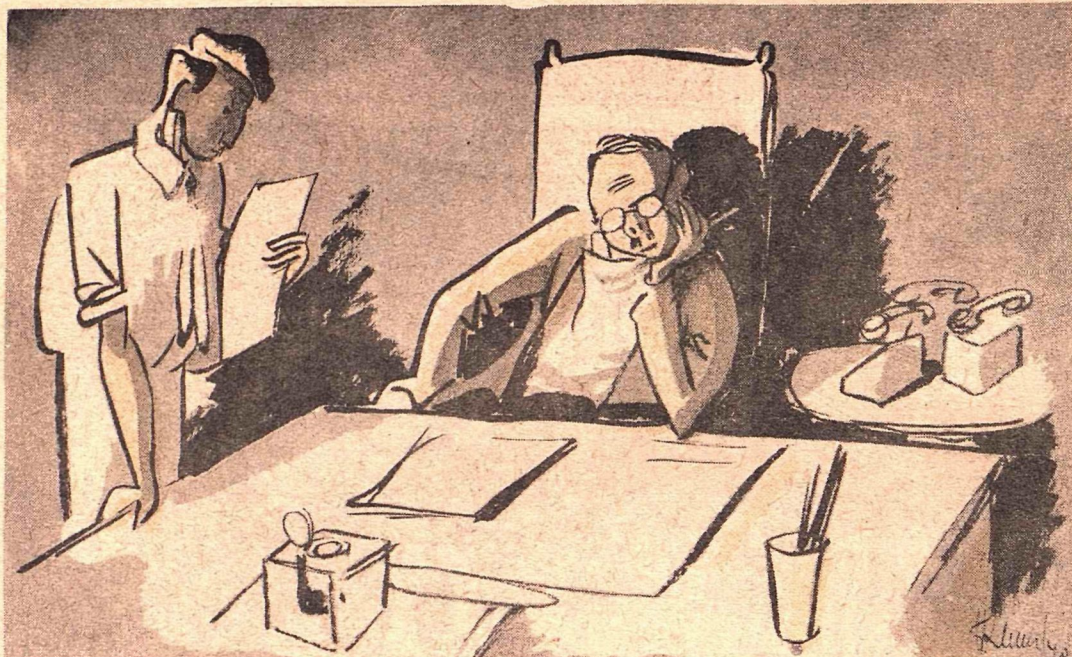
2. Означенные товарищи неустанно призывают к бдительности, беспощадно вскрывая легковерию и излишнюю доверчивость.

3. Лиц, уличенных в легковерию и излишней доверчивости, гг. Герасимов и Нефедьев смело определяют в специальную категорию так называемых «шляп».

4. Проходимца и авантюриста П. Ватутина, назвавшегося инструктором (?) партийного отдела редакции «Правды», означенные товарищи приняли тепло и гостеприимно и с удовольствием поместили в своей газете его статью за подписью «инструктора редакции «Правды», даже не потребовав у Ватутина документов.

В какую же категорию определить гг. Герасимова и Нефедьева?

На этот вопрос мы за отсутствием свободного времени ответить сейчас не можем. Если же означенным товарищам не терпится, то рекомендуем им глубоко изучить пункт 3-й этой заметки. А вась, они в нем найдут для себя заслуженное местечко!

— Прислали нам какого-то безголового работника.
— Кто прислал? Я сейчас же пожалуюсь на некомплектную поставку.

Вещь себе

ГОГА Гугин садился очень редко. Даже на службе сидел он мало: в общей сложности каких-нибудь полтора — два часа. В остальное время он ходил по коридору, стоял у буфета или беседовал с сослуживцами.

Он не был бездельником. Наоборот, он занят был по горло. Но если бы Гугин сидел на месте, из его дел ничего бы не вышло.

Была еще одна важная причина, из-за которой он предпочитал вертикальное положение. Нет, нет, не профессиональная, так сказать, болезнь канцелярских сидней. Гога был типичный огурчик и здоровяк. Но он изо всех сил старался походить на обворожительных парней из витрины соседнего «Индивидуального пошива». Как ни осторожничай, а складка на брюках может безвременно погнубить, ежели просидеть несколько часов без отрыва от стола. А те молодцы из витрины никогда не сидят. И на их цельноковеркотовых брюках нет ни одной морщинки. И пиджаки на них кажутся отлитыми из пластмассы. Гога Гугин

«В своей одежде был педант
И то, что мы называли франт».

Не знаю, как там Онегин, но именно о Гугине сказано, что

«Он три часа, по крайней мере,
Пред зеркалами проводил».

Кроме двух десятков томов «Рокамболя» Гугин мало что читал в своей жизни. Он никогда не был философом. И все же никакой Кант не мог бы сравниться с ним в познании природы вещей. Будь Гугин знаком с Кантом, он посмеялся бы над его рассуждением о «вещи в себе»:

— Вещь в себе! Это что же выходит? Вещь существует сама по себе? И я ее познать не могу?

Принцип, которым руководился Гугин, был его собственным изобретением. Он сделал потрясающее философское открытие. Как говорится, своим умом дошел. А дойдя, решил: единственно правильной является формула — «вещь себе».

Гугин был чудд философской абстракции. Мир представлялся ему огромным складом приятных и желанных вещей. Это был гигантский цейхгауз, битком набитый галстуками, отрезами и парфюмерией.

Выутюженный, обгалстученный с ног до головы, Гугин целыми днями занимался торговлей. Да, да торговлей! И хотя в самом учреждении можно было приобрести лишь билеты в местное на матч «Динамо» — «Спартак», у Гугина тайком можно было купить все: от

львовских галстуков до самаркандских тюбетеек. Гугин торговал вовсе не потому, что хотел видеть своих сослуживцев и их родно такими же нарядными, как он сам. Чем-чем, а заботой о ближнем он никогда не болел. Он торговал потому, что это давало доход, а доход давал возможность приобретать вещи.

Он с презрением смотрел на людей, корпевших над бумагами в своих московшвеевских одеждах. Человек в скороходовских башмаках казался Гугину по меньшей мере представителям палеозойской эры. Отсутствие модного галстука было признаком пресмыкания на низжайшей ступени человеческой цивилизации. Гугин иногда смотрел с сострадательной жалостью на людей в косоворотках. В его взгляде ясно читались два слова: «Не достали». И тут же выражение понимающей жалостливости сменялось выражением презычайного самодовольства: «А я достал!»

У Гоги Гугина имелись какие-то старушки, которые ни свет, ни заря ковыляли в очередь за всем поддающимся закупке. Старушки получали по червонцу за очередной постой. Вечером он принимал дневную добычу, стараясь поскорее сбыть закупленное разным друзьям и знакомым. Гугин никогда не говорил: «Я продаю», но: «Один мой знакомый предлагает лишние брюки». Иногда сослуживцы прямо спрашивали у Гугина: «Не найдется ли у вашего знакомого лишнего костюма?» Или: «Не продаст ли ваш знакомый лишний отрез?» Лишнего у Гугина оказывалось всегда достаточно.

Сам Гугин не пользовался обыкновенными вещами. Он неустанно следил за модой. А дневной старушечий улов редко совпадал с модным курсом. Откуда исходили эти таинственные веления — носить темный пиджак со светлыми брюками или завязывать галстук равнобедренным треугольником? Самая тайна рождения моды была полна волнующей прелести. Гугин следил за удлинением или укорочением воротничковых концов с такой же страстью, с какой болящички следят за секундными рекордами чемпионов.

Гугин знал людей, у которых можно было приобрести вещи, соответствующие его понятиям о моде и культуре. Джемпры, ботинки с заграничным клеймом, костюмы, один вид которых напоминал о существовании контрабандистов, блестящие черные дождевики, галстуки

«И, чувств изнеженных отрада,
Духи в граненом хрустале», —
всё это добывалось через третьи руки, пятнадцатые уши и сорок восьмые знакомства.

Случалось, что у Гугина оказывались лишние вещи и из этого, как он выражался, «люксусового» ассортимента, и тогда он продавал какие-нибудь фантастические штаны особо избранным знакомым.

Знакомых, то есть людей, знавших, что у Гоги Гугина, служащего в районном отделе Жомскототорма, можно приобрести заграничные вещи и дефицитные товары, было немало. И, вместо того чтобы потащить этого фатоватого коммивояжера в ближайшее отделение милиции, гугинские клиенты заискивающе совали ему деньги на отрез, от чего Гугин отказывался наотрез, пока ему не удавалось выудить желаемую сумму.

И ходил он одетый в широкоплечий пиджак, ходил по учреждению, по знакомым, по «Эрмитажу». Ходил, так как не любил сидеть. Да и дела его требовали хождения.

Но вот Гога Гугин перестал иметь хождения. Он сел.

На суде фигурировали целые тюки вещественных доказательств. Длинной вереницей проходили свидетели. Они рассказывали о тех вещах, которые продавал и добывал Гугин. Вещи себе. Гугин плохо слушал речь прокурора: он слишком был поглощен мыслью о безвозвратно измятых брюках...

НЕСТОР НЕТОПИСЕЦ

В ЗАЩИТУ РОДСТВЕННИКОВ

Очень трудно было до сих пор руководителям учреждений устраивать у себя родственников. Иной раз и родство-то отдаленное — троюродный брат или, скажем, внучатная племянница, — а такой вой в стенгазете поднимается, что у руководителя даже настроение портится.

А сейчас найдено радикальное средство. Пользуясь им, товарищи руководители могут устроить у себя под крылышком хоть сына родного. И стенгазета не подкопается.

Изобрел средство скромный товарищ Маслов, директор Ачинкулакской средней школы (Орджоникидзевского края). Средство это довольно популярно изложено в приказе № 11, самолично составленном тов. Масловым.

Приказ гласит:

«Освободить с 15-го июля 1940 года от занимаемой должности по совместительству секретара по школе тов. Дьяченко и назначить вновь на должность секретаря человека с окладом 150 рублей».

Фамилия вновь назначенного секретаря, таинственно именуемого человеком, пропущена не случайно. Она хорошо известна тов. Маслову, ибо это его собственный сын. Зато общественность никогда не узнает, что у наших секретарствует его родное чадо.

Таким способом тов. Маслов может постепенно укомплектовать штаты школы супругой, мамашей, тестем и прочими близкими родственниками. Надо только заменить фамилию словом «человек», поскольку человек — это звучит гордо.

ШУМЕЛ, ГОРЕЛ...

Дивный июльский вечер. Солнце только что ушло на покой, потрудившись за день на славу. Показалась величавая луна. Небосвод пылает. Население города Родников, Ивановской области, не налюбуется феерической картиной заката.

Но что это? Резкий звон пожарного колокола рвет на клочья волшебную тишину. Недремлющему оку родниковской пожарной команды показалось, что где-то горит. Мастера брандспойта торопятся туда, где пылает горизонт. Их мужественные сердца полны решимости. Они готовы вступить в борьбу, чтобы выйти победителями.

Зарево совсем близко. Сейчас бесстрашный политрук пожарных Карпанов отдаст команду, и огонь будет ликвидирован.

Но не пришлось Карпанову командовать. Не пришлось бесстрашным пожарным продемонстрировать свое искусство.

Не пришлось потому, что проказница-луна, повяв свою ошибку, побледнела и поспешила забраться повыше. Исчез багряный закат. Исчезло пламя.

Зажглись звезды.

Но их уже никто не выезжал гасить.

СПОКОЙНОЙ НОЧИ

СПАТЬ хотелось смертельно. Но радиорепродуктор — этот невозможный крик техники культурного обслуживания пассажиров — упорно пел «Спокойной ночи» и не давал уснуть. Да и присесть было негде. Все столики в буфете были заняты точно окаменевшими пассажирами. Непронутыми стояли перед ними стаканы с чаем: чай был уже непригоден для питья, но он давал право хоть круглые сутки занимать место, столь дефицитное на каждом мало-мальски уважающем себя вокзале.

Со стены на пассажиров глядел многокрасочный рекламный плакат, полный нежности и удивительной заботливости о пассажирах:

«Пользуйтесь железнодорожным буфетом».

«Граждане пассажиры, требуйте к себе культурного отношения и вежливого обращения!»

Я долго смотрел на плакат, чувствуя, как устают, наливаются сном и слипаются глаза.

Знакомое и чуточку тошнотворное «Давай пожмем друг другу руку» резко оборвалось, и я вдруг услышал голос председателя. Он стучал ложкой по треснувшему графину, стоявшему перед ним на столе, покрытом пятнистой, зеброобразной скатертью:

— Товарищи, давайте к порядку! Будем начинать. Кустовое собрание обслуживающего персонала станционных буфетов и ресторанов Дебальцево, Чистяково, Иловайска и других считано открытым. В меню, виноват, в повестке дня: одно первое — фу ты чорт, привычка! — один вопрос: пассажиры и мы. Товарищи буфетчики, буфетчицы, официантки и официантки, вопрос, как говорится, уже давно назрел, и мы должны поставить его во всю ширь и вглубь: мы или пассажиры? Прошу, товарищи, выступать и согласно регламента закругляться. Слово имеет официантка Нюся.

Расталкивая всех подносом, блондинка стала пробираться к столу.

— Товарищи, — сказала Нюся, — председатель правильно поставил вопрос, потому что работать нету никакой возможности. Пассажир нынче пошел разбалованный: и обслужи его быстро, и качество ему дай, и чтобы скатерть чистая была... Но, граждане, та же самая скатерть, она же не самобранка какая-нибудь, и опять же всю жизнь чистой лежать не может, товарищи! Я закругляюсь, товарищи, и считаю — перед пассажирами надо поставить вопрос крепко: дайте нам условия, товарищи пассажиры, а спешить с обслуживанием нечего: уйдет поезд — другой придет, у нас в Дебальцево их сотни проходят...

— Теперь, — сказал председатель, — своим опытом поделится Муся. Слово имеет из Дебальцево Муся, подготовиться из Иловайска Дуся.

— Я, конечно, могу рассказать, как я работаю. Главное, девочки, в моей работе — нервы. Пассажир — он что: поволновался и уехал; а нам, девочки, оставаться с нашими нервами надо. Так вот, например, случай из моего опыта. Подхожу я к одному пассажиру, приличному такому на вид, и по лицу видно, что культурный такой гражданин. Подхожу и сразу спокойно говорю: «Чаю нет», — а он, еще не выслушав как следует, говорит: «Извиняюсь, гражданка, очень грязно на столе. За таким столом — что ни подай, в рот не полезет». «Ну это, я говорю, вы мне Америку не открыли, я эту скатерть уже третью декаду на этом самом столе вижу». И все так спокойно говорю, а он, вижу, из своей тарелки выходит и в бутылку лезть начинает. А я опять спокойно: «Если вам, гражданин, не нравится, можете не садиться. И вообще поберегите свои нервы: они вам на другие буфеты пригодятся». Ну, он, конечно, жалобную книгу требовать. А я ему так спокойно и говорю: «Пожалуйста... Не думайте, не напугаете!» — и идя за жалобной книгой в контору и сию там, жду, пока его поезд уйдет...

Или вот, например, подаю я гражданину поре и даю ему вилку. Правда, не стопроцентную, а с двумя зубцами, поскольку остальные отломались. Пассажир и говорит: «Что же это за вилка?» Я отвечаю: «Обыкновенная — двузубчатая». Ну, я вижу, кипятиться пассажир начинает, по всему видно, еще не

Граждане с точки зрения Текстильсбыта.

привыкший к нашим буфетам, и тоже так спокойно объясняю: «Вы, гражданин, не у себя дома. Там вы можете есть хоть двумя полнзубчатыми вилками сразу. А вообще здесь ничего такого нет».

Я нервы больше портить не стала и на кухню пошла. А когда вышла, пассажира уже не было: его поезд увез. Так что, девочки, главное — это нервы беречь, пассажиров много...

Мусю сменила Дуся:

— Работаю я в нашей системе не так уж много, товарищи, но опыт кое-какой на фронте борьбы с пассажирами имею. У нас, например, в Иловайске в зале первого класса всегда повернуться негде. Столики — это не секрет — занимают, чтобы посидеть, пока поезд придет. Ну и, конечно, для близиру понемногу заказывают чего-нибудь. Только мы, окромя компоту, почти ничего не держим. Не то, чтобы торговать нечем — есть: просто отказываемся, чтобы мороки не было. Но пассажиры — до чего народ назойливый: не успеет на станции и полусуток посидеть, как обязательно проголодается. Только мы их понемногу отучиваем. Посредством музыки.

У нас на этот счет идеальная постановка: с утра и до утра играем; и репертуар самый свежий: «Сашка-сорванец», «Катюша» одна, «Катюша» другая, «Дружба», «Спокойной ночи»... Другой раз сама заслушаюсь, торговлю прекращаю. Люблю музыку и понимаю...

Наконец, слово опять взял председатель:

— Я думаю, товарищи, подведем черту и наметим конкретные предложения. Я думаю так, товарищи, в отношении создания условий обслуживающему персоналу надо крепко поставить вопрос. А что касается пассажиров, то есть предложение — вообще их в зал не пускать и разъяснить, что вокзал — не дом отдыха, а садись в поезд — дома отдохнешь. А насчет музыки — правильно, ее понимать надо. Предлагаю увеличить число репродукторов и практиковать музыкальные сутки для обслуживающего персонала. Возражений не имеется?

— Имеется! — крикнул я не своим голосом. — Имеется!.. Дайте слово!

Но все присутствующие посмотрели на меня такими глазами, что меня бросило в холод — и я проснулся...

Я хотел еще что-то крикнуть, но дежурный по вокзалу взял меня за руку и охрипшим голосом под аккомпанемент радио, настойчиво желавшего всем «Спокойной ночи», сказал:

— Давайте очистим зал, гражданин! Давайте не будем кричать!

— Нет, будем! — воскликнул я. — Будем кричать! Пусть в самой Москве, в главном тресте железнодорожных буфетов и ресторанов, услышат!

Гр. ИРЕНИН

Донбасс.

Солнце высоко — председатель колхоза низко.

Солнце низко — председатель колхоза высоко.

Интервью

ПО НАШЕЙ просьбе, известный опереточный деятель Александр Эдуардович Писканов любезно согласился рассказать о своих творческих планах. Он принял нас в своем рабочем кабинете, увешанном портретами Оффенбаха, Штрауса, Легара, Кальмана и других знаменитых музыкантов.

— Вы просите меня рассказать о своих творческих исканиях, — начал Писканов. — Я делаю это тем более охотно, что всегда любил печатать. Когда о тебе пишут, как-то легче работать... Должен предупредить, что я не собираюсь возвещать никаких открытий. Моя задача — лишь обобщить и углубить все то, что пока еще робко и неуверенно намечается в ряде опереточных театров. Начнем с музыки. Нужна ли она оперетте?

Тут мы невольно взглянули на портрет Штрауса. Очевидно, перехватив этот взгляд, Писканов с усмешкой добавил:

— Конечно, иные авторы пытаются вальсами и маршами прикрыть наготу содержания. Нам это ни к чему. Важно иметь полноценный, выдержанный текст. Тогда все эти глупые песни, арии и дуэты только будут затемнять действие и бесцельно отвлекать зрителя.

— Второе обязательное условие настоящей, полноценной оперетты — это полное отсутствие балета и всяких танцев. Истину эту, слава богу, кое-где начали постигать и понекому проводят в жизнь. И наконец, третьевы, вероятно, догадываетесь — смех. Сама жизнь убеждает нас в этом. Вспомним любую опереточную премьеру. Чем реже в зрительном зале слышен смех, тем неистовее восхваляет критика спектакль.

На основе всех этих предпосылок я сейчас создаю первую настоящую, полноценную оперетту. Под моим руководством драматург Круглов написал волнующую трагедию. Главная героиня ее — французская работница Клэр. Она ведет неустанную борьбу с классом капиталистов и поднимает трудящиеся массы на восстание. Но в силу известной экономической отсталости Франции в XVII веке восстание обречено на неудачу, а героиня кончает свою жизнь на виселице. Особо впечатляющим обещает быть третий акт. Зритель невольно содрогнется при виде варварских жестоких пыток, которым жандармы будут подвергать Клэр и ее друзей. Большую часть оперетты займут батальные сцены сражений между восставшими и солдатами. Стремясь сделать спектакль более актуальным, мы даже пошли на некоторое историческое несоответствие. Во время боя солдаты наряду с допотопными пищалями применяют танки, гаубицы, химические бомбы и бронемашину.

Автор не забыл и о любви. Мы ввели одну главную и три побочных, так называемых перекрещивающихся, любовных линии. Всего в спектакле выведено восемнадцать действующих лиц (не считая массовых сцен). 15 из них положительных и 3 отрицательных. В среднем каждый положительный типаж совершает от девяти до двенадцати героических поступков. Отрицательные в силу их малочисленности будут более загружены. На долю каждого из них придется до двадцати злодейских актов.

Мне хотелось бы сделать одно небольшое замечание по адресу всеми уважаемого товарища Круглова. Центральный образ работницы Клэр ему не удался, вышел бледным и малозначительным. Уже в первом акте ей 62 года. А где и как она провела более молодые годы? На этот вопрос ответа нет. Уступая глупому опереточному обычаю, Круглов заставляет Клэр исполнять перед казнью каскадный танец «Если Волга разольется...» К тому же артистка, которой поручена эта роль, слишком жизнерадостна.

Однако я должен со всей ответственностью подчеркнуть, что это первая и последняя уступка отжившей традиции. В остальном мы твердо и последовательно идем по новому пути создания полноценной оперетты без музыки, без танцев и без смеха.

А. БАСМАНОВ.

Новелла о трех прокурорах

ОТБРОСИВ излишнюю скромность, скажем прямо: наши строки, посвященные тов. Моргуну, резко повысят интерес прогульщикова к Ялте. Причем Ялта станет притягательным центром не как целебный курорт, а как город, где в прокурорах состоит тов. Моргун и его достойный помощник тов. Пермьяков. Впрочем, эти два товарища, как мы увидим ниже, тоже обладают великой целебной силой.

Действие этой силы в полной мере испытал на себе гражданин Луканенко, рабочий Ялтинской ремонтно-строительной конторы ВЦСПС. С этим гражданином приключилась такая история. Явившись в июле этого года на работу своевременно, гражданин Луканенко неожиданно почувствовал сильное желание выкупаться в море, погреться на солнышке и вообще провести несколько часов на берегу морском. Поскольку эта прогулка была совершена в рабочее время и без ведома администрации, начальник конторы, лицо, не получившее специального юридического образования, решил направить дело прогульщика прокурору.

В отличие от начальника конторы, ялтинский прокурор Моргун и его помощник Пермьяков в юридических делах считаются специалистами. Питая органическое отвращение к бюрократизму и волоките, они немедленно вынесли соответствующее постановление по делу о Луканенко. Очень интересное постановление. Оно было бы еще полноценнее, если бы товарищи прокуроры обязали начальника конторы извиниться перед прогульщиком. Но прокуроры второпях забыли отметить этот пункт. Они только указали, что гражданин Луканенко никоим образом не может считаться прогульщиком. Ну, ушел человек с работы на несколько часов, ну, захотелось ему выкупаться или, может быть, подремать на солнышке. Какой же тут криминал? Главное явиться на работу вовремя, отметить в табельной, а раз отметился, можно гулять сколько угодно.

* * *

— Безобразие! — воскликнет, узнав об этой истории, гавриловопосадский прокурор Ивановской области тов. Крючков. — Нельзя церемониться с прогульщиками!

Безусловно. Тому порокой неутомимая борьба тов. Крючкова во вернемом ему районе. В твердом убеждении, что с прогульщиками

не надо церемониться, означенный прокурор вместе с тем полагает, что надо оберегать себя и судей от перегрузки, от излишних судебных заседаний и пр. А потому, руководствуясь своей личной совестью, тов. Крючков не предал суду за прогул члена транспортной артели возчиков гражданина Андрейченко. Он решил без суда сурово расправиться с прогульщиком и материалы о нем переслал... в финотдел.

Таким образом вся процедура окончилась быстро и безболезненно. Судьи были освобождены от показательного процесса. Прокурор Крючков избавился от тяжелой обязанности готовиться к обвинительной речи. Прогульщик Андрейченко вместо скамьи подсудимых очутился в пивной, где он с энтузиазмом поднял кружку за драгоценное здоровье прокурора Крючкова.

* * *

— Безобразие! — воскликнет, прочитав вышенаписанные строки, помощник прокурора Ворошиловского района города Горького тов. Лаврова. — Разве так можно бороться с прогульщиками?

И действительно, тов. Лаврова совсем не так поступает, как Крючков. Она не посылает прогульщика в финансовый или, скажем, коммунальный отдел. Она не уклоняется от показательных процессов. Она долго и усидчиво готовится к обвинительным, страстным, бичующим речам, которые обязательно должны тронуть сердца слушателей.

Так же старательно готовилась она и к показательному процессу над прогульщиком Замек, что происходил 17 июля в одном из цехов Горьковского завода имени Ленина. Увлеченная настойчивостью и трудолюбием Лавровой, засела за материалом и народный судья тов. Раевская. И хотя доказательства, изобличающие прогульщика, были очевидны, прокурор и судья еще и еще раз выискивали все новые и новые факты.

А рабочие, собравшись в цехе в обеденный перерыв на процесс, терпеливо ждут приезда суда. А суд все не едет. А время между тем идет. А станки бездействуют. Ну, словом, слушание дела началось с опозданием, обеденный перерыв закончился, перерыв пришлось продлить.

И хотя получился массовый прогул всего цеха, зато Лаврова произнесла блестящую речь. Сердца слушателей были тронуты.

И. ВЕРХОВЦЕВ

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Жители города Смоленска каждое воскресенье совершают пешие походы в Красный Бор: другие способы добраться до этого прекрасного дачного места, к сожалению, не всегда доступны. В ожидании автобуса можно отдохнуть, принеся с собой подушку. Но не всем нравится этот отдых. Можно, конечно, поехать в поезде, если вам удастся пробиться в вагоны. Но опять же надо перед отъездом взглянуть на барометр. Если вы будете ожидать кольцевого поезда на станции 1-я Дачная и если пойдет дождик, то вы, наверняка, промокнете: ни навеса, ни скамеек нет. Вы будете сидеть на рельсах под дождем, а начальник станции будет глядеть на вас из окошка своей дачи и улыбаться, потому что над ним не каплет.

Гражданам, живущим в Красном Бору круглый год, тоже не лучше. Природа здесь культурная, а отношение к людям некультурное. Нет ни приличного клуба, ни порядочной бани. Один житель, услышав поговорку: «Точно, как в аптеке», — спросил:

— А что такое аптека? В Красном Бору нет даже аптекарского киоска.

Интересно, о чем думает горсовет? Неужели он считает, что Красный Бор не требует внимания, потому что он бор. Однако нам известно, что мороз-воевода, и тот обходил дозором владенья свои, в том числе и боры. А горсовету и подавно пора.

И. К. ЯКОВЛЕВ,
интендант 3-го ранга

Дорогой Крокодил!

— Ты наш людской род знаешь неплохо. Тебя, пожалуй, трудно чем-нибудь удивить. Все же случай редкого человеческого откровения и душевной прямоты, о котором я тебе в настоящем письме сообщаю, наверно, даже тебе покажется удивительным.

В Андрушевском районе, Житомирской области, задумали строить колхозный клуб. Надобность в районном культурном центре давно назрела, и трудящиеся с нетерпением ждали, когда же, наконец, клуб будет открыт.

В редакцию областной комсомольской газеты «Сталинское племя» то и дело поступали письма-запросы. Спрашивали колхозники, домохозяйки, комсомольцы: «Когда же, наконец, клуб у нас будет?»

Редакция со своей стороны запросила Андрушевский исполком районного совета депутатов трудящихся, какие меры им приняты для скорейшего окончания строительства. И на это немедленно последовал ответ, который я привожу дословно:

«Сообщаем, что со стороны исполкома сельсовета были приняты необходимые мероприятия в деле окончания строительства клуба, в мае месяце клуб сгорел.

Секретарь исполкома райсовета депутатов трудящихся ГРИЦЮК».

В другом случае я просил бы тебя, дорогой Крокодил, строго наказать тех, кто принял меры к тому, чтобы клуб сгорел. А теперь прошу: прости им. Прости потому, что «за признание полнотаканья», а еще потому, что это ж о таких, как наш секретарь Грицюк, сказано: «Не ведают бо, что творят».

Ив. ЛУКАЧ

Житомир.

Дорогой Крокодил!

Я далек от того, чтобы требовать от рядового автора, чтоб он писал, как Лев Толстой, а от нашего редактора, чтоб он хватал звезды с неба. Но если они берутся писать о своих же стахановцах, мы вправе требовать, чтобы эти люди знали о знатных людях своего производства хотя бы самое необходимое. Ну хотя бы как зовут наших героев труда. А между тем...

На нашей Дедовской фабрике выходит многотиражка «Голос Дедовки». В № 58 за текущий год газета поместила статью «Наши стахановцы», рассказывавшую о жизни и замечательной работе одной из знатных и уважаемых работниц нашей фабрики, сновальщицы тов. Голястиковой.

Статья эта начинается так: «Наталья Григорьевна Голястикова рассказывает...» Но через десяток — другой строк героиня именуется уже не Натальей Григорьевной, а Натальей Ивановной. Еще через 15 строк Наталья Григорьевна — она же Наталья Ивановна — именуется уже Натальей Гавриловной. Наконец, в самом конце статьи — опять Наталья Григорьевна...

Под этим читаем подпись автора: «Н. Дворянкин». А на четвертой полосе — «Ответственный редактор И. М. Горяев».

Что это такое, дорогой Крокодил? Говорят «бумага терпит». Но, во-первых, многотиражка — не

просто бумага. А во-вторых, читатель терпеть такие безобразия не согласен.

В. ЖОРСКИЙ,

мастер ткацкого отдела Дедовской фабрики.

Станция Гучково,
Калининской железной дороги.

Дорогой Крокодил!

Если среди твоих читателей имеются холостяки, мечтающие жениться, пусть поступают на службу в Главтекстильмаш. Там работает начальником административно-хозяйственного отдела Михаил Матвеевич Залкинд. Он это дело быстро устроит. Я, например, будучи холостяком, в два счета стал мужем одной из сотрудниц главка.

Произошло это очень просто: Залкинд приписал к моему пропуску в поликлинику Народного комиссариата общего машиностроения в качестве жены одну из сотрудниц бухгалтерии. Причем, как оказалось, «женил» таким образом Михаил Матвеевич не только меня одного: в целях экономии пропусков в поликлинику Залкинд зачислил в женатые многих наших сотрудников, даже женатых. Как говорится, без меня меня женили.

М. СЕРЕБРЯКОВ

Москва.

Дорогой Крокодил!

Несколько лет назад город Киров был преобразован в областной центр. Наш дом (№ 69 по ул. Маркса) оказался тогда по соседству и на общем дворе с домом горсовета. Люди нам просто тогда завидовали:

— Вот, мол, какие счастливицы, до чего им повезло... Глядите, какие у них теперь дела пойдут: улица-сад, и в то же время асфальт, и одновременно ни пылинки, и свой клуб при доме, и во дворе детплощадка...

Прошло несколько лет. И если б ты только знал, дорогой Крокодил, как мы сейчас завидуем тем нашим согражданам, которые имеют счастье жить подалше от нашей улицы, а главное — от нашего дома... Какая уж там улица-сад, какой асфальт, кто мечтает о клубе, о детплощадке!!!

Нет, мы мечтаем не о том, чтоб наш двор был превращен в парк культуры и отдыха. Это даже многовато было бы. Если бы наш знатный сосед убрал со двора свинарник, и выгребные помойные ямы, и невысыхающие лужи, и избавил нас и наших детей от полчищ мух, сеющих заразу, — если б хоть это! О, мы готовы были бы тогда признать, что председатель исполнительного комитета нашего совета Россихин, право, не так уж плохо занимается делами городского благоустройства...

Н. ВОЛОСКОВ, Н. ЛАПТЕВ
Город Киров.

ВСЕ ПРЕДУСМОТРЕЛ

Рис. Г. Валька

- Почему у тебя зерно лежит под открытым небом?
- По-моему, дождя не будет.
- Тогда почему же ты дождевик надел?
- А вдруг дождь пойдет...

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 20 к. в месяц.

Изд-во «Правда».

Рукописи не возвращаются

Москва, Изд. № 837.

Слача текста и рисунков 12/VIII 1940 г.

Подписано к печати 20/VIII 1940 г.

Статформат 72 × 105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

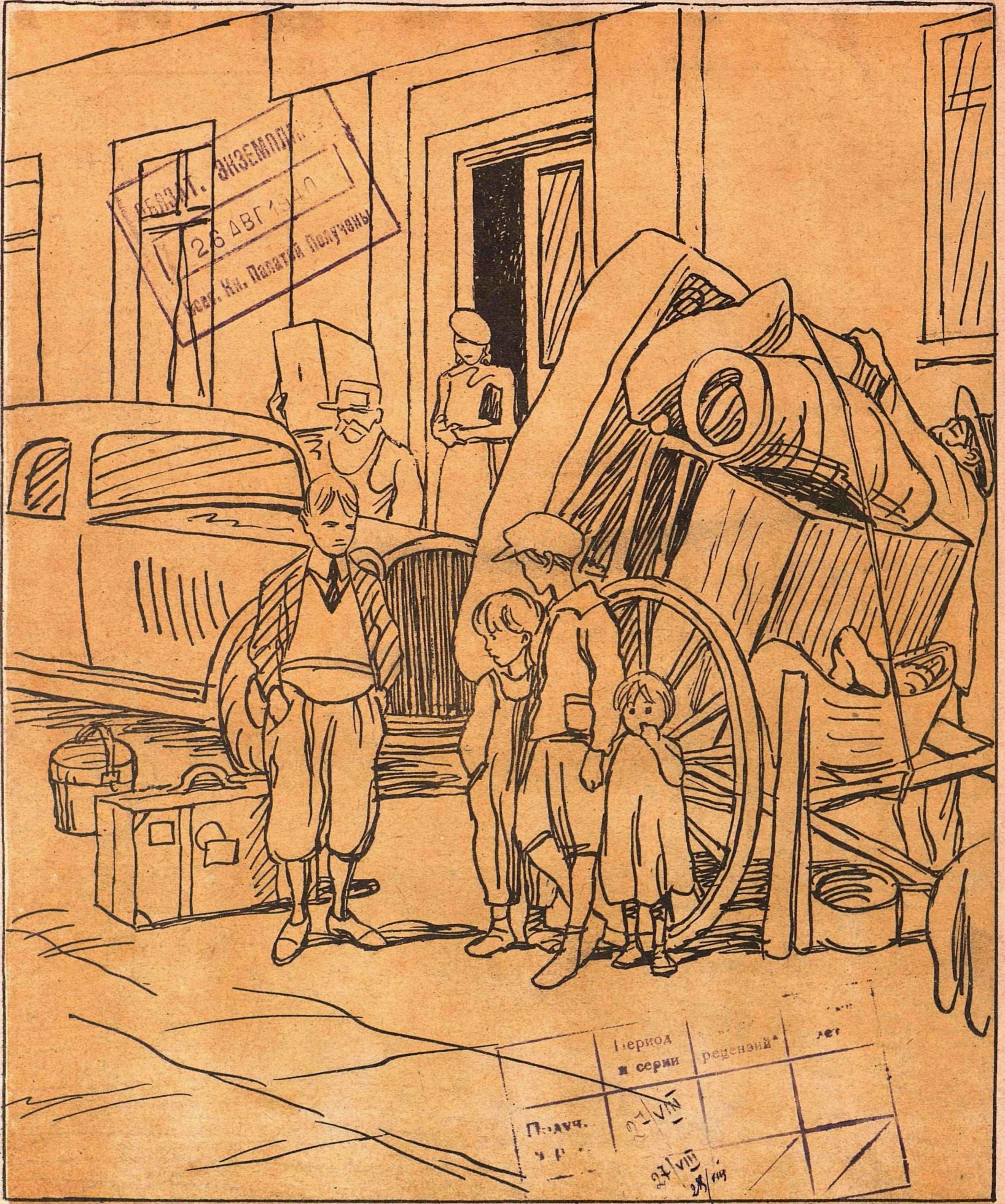
A30987

Типография газ. «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2785. Тираж 271 000 экз.

Рис. Л. Бродаты

✓-17330

34

— Вы тоже эвакуируетесь?
— Да, папа не мог заплатить за квартиру.